чимся лишь одним примером. Особенность сибирских пейзажей заключается в том, что они не однотонны, природа в них не только «хорошая» или «плохая». Человек может быть обласкан ее обилием и «домашностью» и одновременно устрашен ее суровостью. Иногда одна и та же деталь в Житии объединяет оба впечатления. Так, каменные россыпи на байкальских горах Аввакум описывает понятиями древнерусского жилища или усадьбы («полатки», «врата», «дворы» и пр.). Упоминания о луке и чесноке, растущем там, как бы напоминают об огороде. Но следующая деталь, казалось бы усиливающая приветливую «домашность» природы, — «травы красныя, и цветные, и благовонны гораздо», которыми заросли «дворы» — нарушает иллюзию. Дворы, заросшие травой, — символ безлюдья и пустынности — сразу напоминают о том, где Аввакум находится. Сложна по смыслу и следующая деталь — сравнение птиц, плавающих по озеру, со снегом: оно напоминает о белоснежном домашнем выводке на пруду и одновременно о безлюдной заснеженной равнине.

Еще, вероятно, нельзя четко определить место аввакумовских пейзажей в русской литературе и искусстве XVI—XVII вв. Необходимы общая классификация того, как изображали природу в Древней Руси, и обширные источниковедческие разыскания по этой теме. Поэтому наблюдения, излагаемые ниже, в заключение нашей заметки, имеют предварительный характер. Они лишь вводят в новое исследование, без которого невозможна верная оценка Аввакума-пейзажиста.

В русской литературе XVI—XVII вв. можно выделить две темы изображений природы. Одна тема, так сказать, фенологическая, с центром внимания на изображении времен года, времени суток и погоды,[13] причем преимущественно в местах обжитых (например, изображения весны в Повести Катырева-Ростовского и Есиповской летописи, изображения лета, дня и вечера в стихотворениях Симеона Полоцкого и пр.). Другая тема — ландшафтная, в которую включаются описания рая и земли, только что сотворенной богом; земель неведомых, населенных неизвестными народами; земель диких, пустынь и вообще безлюдных «дебрей». Конечно, между обеими темами много точек соприкосновения (см., например, описания бурь и гроз над «дебрями» в житиях или сценку осенней ночи в «дебри» из Повести о начале Москвы). Пейзажи Аввакума, несомненно, посвящены второй теме.

На эту тему, как, впрочем, и на первую, существует много нелитературных описаний природы, в которых пространство только декларируется, но не изображается. И очень немного описаний, где чувствуется пространство и живые черты природы. Они встречаются довольно часто в житиях и хождениях XVII в., но их еще требуется собрать, особенно по множеству неизданных северных житий XVII в. Предварительные наблюдения показывают, что описания природы в этих жанрах, пожалуй, несравнимы с мощной аввакумовской природой. «Пустыни» и «дебри», страшные и не страшные, описываемые в житиях и хождениях, в общем как-то камерны и опрятны по сравнению с аввакумовскими.[14]

---

[13] Известна, например, работа о ряде пейзажей этой темы: А. Б. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны). — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 433—439.

[14] Ср., например, изображения небольших «пустынь» в лицевых житиях, иконописных подлинниках и пр.: Иоанн Предтеча перед густой зеленой чащей с белым зайчиком, притаившимся у стволов (Сийское евангелие. БАН, собр. Археографической комиссии, № 339, л. 76 об. См. также лл. 199, 799, 800); Варлаам в пустыне, напоминающей светлую поляну (В. Успенский, С. Писарев. Лицевое житие преп. Иоасафа, царевича Индийского. СПб., 1908, стр. 22); преп. Зосима в не очень широкой пустыне (Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. 2.